

БИБЛИЯ В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОМ МИРЕ

(Рассказ о творении мира и греческий ритор)

1. Первая, насколько нам известно, цитата из Библии в классической греческой литературе содержится в риторическом трактате «О возвышенном». Трактат был написан, по-видимому, в I в. н.э. неизвестным литературным критиком (поскольку манускрипты ошибочно отождествили его с Лонгином, известным ритором III в. н.э., в научной литературе за ним закрепилось прозвище Псевдо-Лонгина). И сам трактат, и приведенная в нем цитата из книги Бытия постоянно привлекали и привлекают к себе внимание исследователей: спорят об авторстве, о времени и месте создания трактата, о возможных путях знакомства Псевдо-Лонгина с Септуагинтой. Странно на первый взгляд, но сама цитата, ее несколько необычное звучание не становились при этом предметом специального исследования. Между тем, тут тоже есть над чем задуматься.

Библейская цитата приведена Псевдо-Лонгином как пример такого текста, который должным образом отображает величественную природу Божественного и непосредственно следует за заимствованным у Гомера описанием Посейдона. Вот как она звучит:

Таύτη καὶ ὁ τῶν Ἰουδαίων θεσμοθέτης οὐχ ὁ τυχὼν ἀνὴρ, ἐπειδὴ τὴν τοῦ θεοῦ δύναμιν κατὰ τὴν ἀξίαν ἐχώρισε κατέφηνεν, εὐθὺς ἐν τῇ εἰσβολῇ γράψας τῶν νόμων "εἶπεν ὁ θεός" φησί, τί;

«γενέσθω φῶς, καὶ ἐγένετο· γενέσθω γῆ, καὶ ἐγένετο».

«Так и Законоположитель иудеев, муж незаурядный, ибо мощь божественного и вместить смог по достоинству и провозгласить, в самом начале Законов пишет: „Бог сказал“. — Что же? „Да будет свет — и стал; Да будет земля — и стала“»¹.

Хотя контекст скорее подразумевает точную цитату, а не простой пересказ, отличие от подлинного текста Септуагинты вполне ощутимо. Соответствующие строки греческой Библии гласят:

³ καὶ εἶπεν ὁ θεός· γενεθήτω φῶς· καὶ ἐγένετο φῶς.

⁴ καὶ εἶδεν ὁ θεός τὸ φῶς, ὅτι καλόν· καὶ διεχώρισεν ὁ θεός ἀνά μέσον τοῦ φωτός καὶ ἀνά μέσον τοῦ σκότους.

¹ Περὶ ὕψους, IX.

⁵ καὶ ἐκάλεσεν ὁ θεὸς τὸ φῶς ἡμέραν καὶ τὸ σκότος ἐκάλεσε νύκτα· καὶ ἐγένετο ἑσπέρα καὶ ἐγένετο πρωΐ, ἡμέρα μία.

⁶ καὶ εἶπεν ὁ θεός· γενεθήτω στερέωμα ἐν μέσῳ τοῦ ὕδατος καὶ ἔστω διαχωρίζον ἀνὰ μέσον ὕδατος καὶ ὕδατος, καὶ ἐγένετο οὕτως.

καὶ ἐποίησεν ὁ θεὸς τὸ στερέωμα, καὶ διεχώρισεν ὁ θεὸς ἀνὰ μέσον τοῦ ὕδατος, ὃ ἦν ὑποκάτω τοῦ στερεώματος, καὶ ἀνὰ μέσον τοῦ ὕδατος τοῦ ἐπάνω τοῦ στερεώματος.

⁸ καὶ ἐκάλεσεν ὁ θεὸς τὸ στερέωμα οὐρανὸν καὶ εἶδεν ὁ θεός, ὅτι καλόν. καὶ ἐγένετο ἑσπέρα καὶ ἐγένετο πρωΐ, ἡμέρα δεύτερα.

⁹ καὶ εἶπεν ὁ θεός· συναχθήτω τὸ ὕδωρ τὸ ὑποκάτω τοῦ οὐρανοῦ εἰς συναγωγὴν μίαν, καὶ ὀφθήτω ἡ ξηρά. καὶ ἐγένετο οὕτως, καὶ συνήχθη τὸ ὕδωρ τὸ ὑποκάτω τοῦ οὐρανοῦ εἰς τὰς συναγωγὰς αὐτῶν, καὶ ὤφθη ἡ ξηρά² (Быт. 1:3,6,9).

Первая часть цитаты, действительно, почти дословно повторяет текст греческой Библии:

Септуагинта: καὶ εἶπεν ὁ θεός· γενεθήτω φῶς· καὶ ἐγένετο φῶς. Περὶ Ὑψους· εἶπεν ὁ θεός... γενέσθω φῶς, καὶ ἐγένετο·

Разница здесь чисто стилистическая: γενέσθω вместо γενεθήτω.

Напротив, вторая часть цитаты не имеет себе в Библии точного соответствия. Бог не приказывает земле быть. Он приказывает водам собраться в одно место, чтобы явилась суша. Суша (ξηρά) отнюдь не тождественна земле (γῆ) — да и происходит все совсем по-другому.

Исследователи, занимавшиеся Псевдо-Лонгином, обычно предполагали (или просто подразумевали), что автор трактата самовольно изменил звучание строк Быт. 1:9—10 так, чтобы они больше походили на первую часть цитаты — Быт. 1:3. Это объяснение все же звучит не слишком убедительно. Конечно же, автор, греческий ритор, мог поправить стиль цитируемого «варварского» текста (например, заменить неклассическое γενεθήτω на грамматически правильное γενέσθω), но стал ли бы он сознательно и столь существенно менять сам смысл цитируемого?

Есть и еще один вопрос, который также остается без ответа: зачем было автору трактата, цитируя Книгу Бытия, полностью опускать стихи Быт. 1:4—8? Как я уже говорил, он ищет и приводит (из Гомера, из Библии) примеры величественных и возвышенных теофаний — но что может быть более величественным и возвышенным, чем творение Неба (Быт. 1:6)?

Стих, описывающий творение Неба, прекрасно подходил бы для автора не только с точки зрения своего содержания, но и с точки зрения своей внешней формы: он обладает той же самой структурой, что и Быт. 1:3 — «Бог сказал: Да будет... И стало...». Параллелизм двух частей цитаты, для достижения которого Псевдо-Лонгину пришлось переделывать стих Быт. 1:9, достигался бы здесь сам собою. Достаточно сравнить друг с другом:

Быт. 1:3

καὶ εἶπεν ὁ θεός· γενεθήτω φῶς· καὶ ἐγένετο φῶς.

Быт. 1:6

καὶ εἶπεν ὁ θεός· γενεθήτω στερέωμα ἐν μέσῳ τοῦ ὕδατος... καὶ ἐγένετο οὕτως.

Но:

Быт. 1:9—10

καὶ εἶπεν ὁ θεός· συναχθήτω τὸ ὕδωρ τὸ ὑποκάτω τοῦ οὐρανοῦ εἰς συναγωγὴν μίαν, καὶ ὀφθήτω ἡ ξηρά. καὶ ἐγένετο οὕτως.

Почему же автор трактата опустил в своей цитате стихи, которые так прекрасно подходили бы ему и по содержанию своему и по форме? Как правило, загадки такого рода не могут быть разгаданы — как восстановить ход мыслей

² Быт. 1:3—9.

неизвестного человека, писавшего тысячелетия назад? И все же в этом случае, как кажется, стоит попробовать.

2. Постараемся представить себе, как мог греческий ритор, искушенный в классической литературе, но впервые в жизни читающий Библию, понять и истолковать начальные строки Книги Бытия. Перед ним стояла непростая задача: Септуагинта подчас вкладывает в греческие слова новый смысл, отличный от классического греческого языка.

Так, например, *стерёωμα* в Быт. 1:6 означает твердь небесную. Читая текст, мы автоматически подставляем именно это значение. Так же поступали и греки-христиане, и грекоязычные иудеи. Но вправе ли мы ожидать того же от грека, не знакомого с Библией? Что значило это слово в классическом греческом?

Стерёωма — дериват от глагола *стерёω* укреплять, поддерживать, подтверждать и, соответственно, первое значение этого слова — поддержка, подтверждение, далее — опора, скелет, наконец — твердое тело. В классической литературе слово встречается не часто.

«Змеи имеют хряшевидные кости, кроме самых больших, а у тех, как и у живородящих, по силе [тела их] и скелет должен быть сильнее» (*πρὸς τὴν ἰσχυροτέρων δὲ τῶν στερεωμάτων* — Arist. De part. anim. II.9.655a 22).

«**Пар**, восходящий от кипящей воды, стоит ему встретить *твердое тело*, (*стерёωма*) к которому можно прильнуть, сгущается, утолняется, и капли капают...» (Hippocr. De nat. VIII).

«Анаксагор и Демокрит [считали, что Луна это] раскаленное *твердое тело* (*стерёωма*), на котором есть равнины, горы и ложбины.» (Placita Philosophorum. II.25.9)³. В одном языческом тексте из Карфагена (III в. н.э.) *стерёωма* встречается нам, с первого взгляда, в том же самом значении, что и в Книге Бытия: этот текст именует Бога *τὸν τῶν οὐρανίων στερεωμάτων δεσπότην*⁴.

Мне кажется, однако, что ключ к правильному пониманию этого места дает нам уже приводившийся выше отрывок из Placita Philosophorum, где о Луне говорится как о *стерёωма διπλῶρον*. Это пример приложения слова *стерёωма* к небесному телу — но не к самому Небу! — и резонно предположить, что *ὁ τῶν οὐρανίων στερεωμάτων δεσπότης* означает не «Владыка небесных небес», но «Владыка небесных тел» (заметим, кстати, что слово *стерёωма* в значении «небо» вообще не употребляется во множественном числе).

Таким образом, *стерёωма* в значении «небесная твердь» — это неологизм, созданный авторами Септуагинты. Причины появления его достаточно прозрачны: еврейская Библия знает два слова для обозначения неба: *רָקִיעַ* «небеса» и *אֶרֶץ* «твердь» (*רָקִיעַ אֶרֶץ* «твердь небесная»). Принцип пословного соответствия заставляет авторов Септуагинты переводить два разных еврейских слова двумя греческими: «обычному» еврейскому *רָקִיעַ* соответствует «обычное» греческое *οὐρανός*, для *אֶרֶץ* приходится изобретать какой-то неологизм. В качестве такового было выбрано слово *стерёωма*, возможно, ввиду некоторого этимологического параллелизма между *стерёωма* и *אֶרֶץ* подобно тому, как *стерёωма* образовано от *стерёω* укреплять, так и *אֶרֶץ* образовано от *אָרַץ* распростирать (о небе или о земле — Ис. 42:5, 44:24, Пс. 136:6). Возможно, сыграло свою роль и то, что слово *стерёωма* уже употреблялось в значении «небесное тело».

Филон Александрийский в I в. н.э. различает умопостигаемое небо в Быт. 1:1 и телесное небо Второго Дня Творения. Телесное небо именуется *стерёωма* именно для того, чтобы подчеркнуть различие (Philo. De opificio mundi, 36). Сомнительно однако, чтобы такого рода толкования входили в намерения переводчиков III в. до н.э.

Так или иначе, но неологизм прижился. Его используют и грекоязычные

³ Doxographi Graeci / Ed. H. Diels. B., 1879. P. 356.

⁴ Defixionum tabellae quotquot innotuerunt / Ed. A. Audollent. P., 1924. 242. 8.

иудеи, и христиане. Языческой литературе, однако же, слово *στέρεωσα* в значении «небесная твердь» полностью неизвестно. Мог ли автор «О возвышенном» догадаться об этом значении исходя из непосредственного контекста? Похоже, что этот контекст мог только запутать его: то, что говорится о небе в Быт. 1, совершенно не согласуется с тем, как греки привыкли представлять себе Небо.

3. Согласно Библии, Небо (*στέρεωσα*) создается Богом посреди воды — это представление типично для древневосточной космологии, но не для греческой. Небо, согласно греческим философам, есть сфера, обнимающая собою весь видимый мир, в то время как земля и вода, заполняющая ее полости, находятся, напротив, в центре мира.

«Земля [находится] в воде, вода в воздухе, воздух в эфире, эфир в небе, небо же — больше уже ни в чем» (Arist. Phys. IV. V. 3. 212b).

Сама мысль о водах над небом — нелепица для греческого мыслителя. Если что-то и может быть по ту сторону неба — то лишь нематериальные, умопостигаемые предметы. «Занебесную область не воспел никто из здешних поэтов, да никогда и не воспоем по достоинству. Она же вот какова [...]. Эту область занимает бесцветная, лишенная очертаний, неосязаемая сущность, подлинно сущая, зримая лишь кормчему души — разуму; на нее-то и направлено истинное знание» (Plat. Phaedr. 247 с. Перевод А.Н. Егунова).

Автор трактата «О возвышенном» несомненно был знаком с этими представлениями: он почитатель Платона, он упоминает Аристотеля и Теофраста, цитирует все того же «Федра».

Στέρεωσα ἐν μέσῳ τοῦ ὕδατος — твердое тело посреди воды — никак не могло быть понято им как небо. Скорее уж как земля. Сравним: *Στέρεωσα ἐν μέσῳ τοῦ ὕδατος* — в книге Бытия 1:6, *ἡ μέν γῆ ἐν τῷ ὕδατι* — у Аристотеля (Arist. Phys. IV. V. 3. 212b).

4. Кажется, это предположение наконец объясняет нам странный вид библейской цитаты в *Περὶ Ὑψους*. Автор его дает (в его понимании почти дословное) изложение сначала истории Первого Дня Творения (Быт. 1:3), затем — истории Второго Дня (Быт. 1:6). Изменения, которые он вносит в цитируемые стихи, были, с его точки зрения, чисто стилистическими: 1) он заменяет неклассическое *ἐγένετο* на грамматически корректное *ἐγένεσθαι*; 2) фразы *καὶ ἐγένετο φῶς, καὶ ἐγένετο ὀρθὸς* сокращаются до более компактной и более экспрессивной формы *καὶ ἐγένετο*; 3) он заменяет непривычное *στέρεωσα* на общепринятое *γῆ*.

Он просто не понимал, что от этого меняется весь смысл текста!

5. Эта гипотеза предполагает, однако, что автор трактата «О возвышенном» не был знаком со стихами Быт. 1:7—8, иначе он неизбежно догадался бы о значении слова *στέρεωσα*. Как это могло быть? Можно предлагать разные объяснения: например, что у него в руках был только обрывок свитка с текстом Септуагинты. Единственным, однако же, правдоподобным объяснением будет предположение о том, что он был знаком с Септуагинтой из вторых рук — через цитату из нее у кого-то из своих предшественников, причем эта цитата не включала в себя стихи Быт. 1:7—8.

Мы даже можем предположить, кто именно был этот предшественник.

6. С самых первых строк трактата его неизвестный автор сопоставляет свой труд с аналогичным (и одноименным!) трактатом Цецилия из Калеакты, известного ротора начала I в. н.э.

«Когда мы вместе с тобою, как помнишь ты, о дражайший Постумий Флорентинан, изучали то сочинение, что Цецилий написал о Возвышенном, показалось нам, что оно ниже предмета своего, что почти не затронуты в нем важнейшие вещи, что, наконец, не доставит он большой пользы читателям — а ведь об этом-то, в первую очередь, писателю и надлежит радеть. Ведь от всякого руководства требуются две вещи: первая — показать, о чем идет речь, вторая же — по порядку, хотя и первая по значимости — как и какими именно способами можно достичь того. Цецилий меж тем пытается

тысячами примеров показать нам — будто не знаящим того — что такое Возвышенное, а вот каким бы образом могли мы возвести свой нрав к возрастанию в оном — это уж, почему, не знаю, опустил он как нечто ненужное.

Впрочем, не так, пожалуй, стоит осуждать сего мужа за его упущения, как стоит похвалить сам замысел его и труды. Поскольку же велишь ты и нам, в свою очередь, нечто написать для тебя о Возвышенном, — посмотрим, заслуживают ли наши мнения внимания мужей государственных» (Περὶ "Υψους, I).

В последующем обсуждении природы «возвышенного» и путей достижения его в литературном творчестве автор трактата то тут, то там опять-таки ссылается на Цецилия. Так, в гл. 4 он критикует стиль Тимея — и сообщает нам, что Тимеем уже обстоятельно занимался Цецилий, а потому сейчас достаточно лишь пары примеров. В гл. 8 перечисляются пять источников возвышенности — нам сообщают, что Цецилий также составлял такие перечни, однако некоторые источники забыл упомянуть. В гл. 21 анализируется стиль Феопомпа — по этому поводу вновь возникает дискуссия с Цецилием.

Похоже, что Псевдо-Лонгин заимствовал название (а до некоторой степени и содержание) своего трактата у Цецилия из Калеакты. Схожие вопросы рассматривались на схожем — или даже том же — материале. Трактат Цецилия потерян, однако некоторые сведения о нем мы можем почерпнуть у сохранившихся авторов. Так, Плутарх пишет в «Жизни Демосфена» (III): «Вот почему в этой [...] книге сравнительных жизнеописаний, повествуя о Демосфене и Цицероне, их нрав и образ мысли мы будем изучать и сопоставлять по их поступкам и государственной деятельности, но сравнивать речи, чтобы решить, кто из них говорил внушительнее или приятнее, не беремся. Не то и мы попали бы в положение, о котором Ион сказал: „Дельфин на суше неуклюж“ — слова, коих самонадеянный Цецилий не знал, иначе бы не отважился выпустить в свет сравнение Демосфена с Цицероном» (перевод Э. Юнца).

Можно предположить, что Цецилий осмелился сопоставлять стили Демосфена и Цицерона. Ни в одном из дошедших до нас античных трактатов по риторике мы не можем встретить ничего подобного — кроме, опять-таки «О возвышенном» (гл. 12).

Главным источником наших сведений о Цецилии является Суда: «Цецилий, сицилиец, из Калеакты⁵ (Калеакта — это город в Сицилии), ритор, практиковал в Риме при Августе Кесаре и до времен Адриана⁶, из рабского сословия, как некоторые повествуют, прежде звался Архагатос, по вере иудей».

Так значит, автор трактата, служившего для Псевдо-Лонгина и моделью, и точкою отсчета, был «по вере иудей» (τὴν δὲ δόξαν Ἰουδαῖος)! Заметим, что сам Псевдо-Лонгин, напротив, говорит о себе как об эллине (καὶ ἡμῖν ὥς Ἕλλησιν; Περὶ "Υψους, XII). Естественно, что уже довольно давно выдвигалось предположение о том, что именно Цецилий из Калеакты и был промежуточным звеном между Септуагинтой и «О возвышенном»⁷. До сих пор эта гипотеза опиралась лишь на «внешние» аргументы — иудейская вера Цецилия, роль его труда для Псевдо-Лонгина. Наше исследование, похоже, добавило к этим «внешним» аргументам «внутренний»: анализ самой цитаты приводит нас к заключению о том, что она была заимствована Псевдо-Лонгином у его предшественника.

Можно предположить, что дело обстоит следующим образом.

1. Цецилий из Калеакты, иудей по вере, включает в свой трактат «О возвышенном» анализ первых стихов Бытия. Цитата могла звучать примерно так:

⁵ Вместо Καλαντίς, Καλαντιανός следует читать Καλάκτη, Καλακτίνας.

⁶ Текст несомненно испорчен: Адриан жил столетие с лишним спустя после Августа.

⁷ Reinach T. // Revue des études juives. 1893. XXVI. P. 43, suiv.

εἶπεν ὁ θεός· γενεθῆτω φῶς· καὶ ἐγένετο φῶς. γενεθῆτω στερέωμα ἐν μέσῳ τοῦ ὕδατος. καὶ ἐγένετο οὕτως.

2. Незвестный продолжатель и соперник Цецилия пишет трактат под тем же названием и на ту же тему, используя некоторые из примеров Цецилия. Он переносит в свой трактат и библейскую цитату, обнаруженную им у Цецилия, но при этом «правит ее стиль». В «правленном» виде эта цитата и доходит до нас: εἶπεν ὁ θεός· γενέσθω φῶς, καὶ ἐγένετο· γενέσθω γῆ, καὶ ἐγένετο.

М.Г. Селезнев

BIBLE IN THE HELLENISTIC WORLD. A STORY OF WORLD CREATION AND A GREEK RHETOR

M.G. Seleznev

We can reconstruct the pre-history of the biblical quotation in Pseudo-Longinus' Περὶ Ὑψους in the following way:

1. Cecilius of Calacte as a man «of the Jewish religion» introduced the analysis of the first verses of Genesis in his treatise Περὶ Ὑψους. This quotation might have run as follows:

εἶπεν ὁ θεός· γενεθῆτω φῶς· καὶ ἐγένετο φῶς. γενεθῆτω στερέωμα ἐν μέσῳ τοῦ ὕδατος· καὶ ἐγένετο οὕτως.

2. The anonymous successor and rival of Cecilius wrote his own treatise under the same name and of the same content using some of Cecilius' examples for his own purposes. He also included Cecilius' biblical quotation in his treatise, but "corrected" its style. The result of this "correction" is the actual wording of the quotation:

εἶπεν ὁ θεός· γενέσθω φῶς, καὶ ἐγένετο· γενέσθω γῆ, καὶ ἐγένετο.

The article demonstrates that Στερέωμα ἐν μέσῳ τοῦ ὕδατος — *a solid body in the midst of the waters* — could not have been understood by a Greek philosopher or rhetorician as *the heaven*, but on the contrary, it must have been understood as *the earth*.